

Кот-детектив ДЫМОК

Трей Блис

Том 3

18+

Грей Блис

Кот-детектив Дымок. Том 3

<https://litres.ru/74255452>

SelfPub; 2026

Аннотация

Новый кот. Кот, который не должен был поставить меня на второй план. Однако, как оказалось, Рив я не так уж и важен, ведь у неё появился тот, кого проще любить.

У меня осталась лишь Лай. Единственная, кого не умиляет оранжевый кот. Единственная, кто не отказалась от меня ради него.

Высший вырвался на свободу и гуляет где-то по городу, а я... А что я? Ну, пойду сдамся ему в руки.

Содержание

Глава 1. Я, Дымок и совсем тупые соседи.	5
Глава 2. Лёгкая ревность.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Грей Блис

Кот-детектив Дымок. Том 3

Название: Кот-детектив Дымок. Том 3.

Автор(-ы): Грей Блис

Ссылка: <https://author.today/work/617767>

Глава 1. Я, Дымок и совсем тупые соседи.

Новый, ясный день. Солнце лилось в окна широкими золотыми полосами, ложилось на пол, на спинки стульев, на старый плед, будто старалось выгнать из дома каждую тень, что цеплялась к нам в те дни, когда мы прятались по подвалам и бежали по тёмным переулкам. Во дворе щебетали воробьи, ветер шевелил листву так беззаботно, будто и не знал, что в мире бывает страх.

Безо всяких погонь. Ни криков, ни топота ботинок, ни скрежета ржавых решёток. Только чайник тихонько посвистывал на кухне, а Рив смеялась над какой-то ерундой, и этот смех звенел, как колокольчик, который наконец-то снова имел право звучать.

Я, Дымок, сидел на подоконнике и щурился на солнце. Но в голове то и дело всплывал тот самый кусочек текста, который я когда-то мельком увидел в папке Высшего: «Проявляет аномальное поведение, не соответствующее биологическому виду».

Аномальное? Что это значит?

Я встряхивал головой, будто пытался стряхнуть эти слова, как капли дождя. Не думал, что хочу знать. И не думал. И не знал.

Пока мама Рив не сказала это за завтраком, спокойно, будто речь шла о покупке хлеба или ремонте крана:

— Я считаю, что с Дымком скучно. Без обид, герой, но ты не даёшь себя гладить, не играешь с нами и днями пропадаешь на улице. Я хочу завести ещё одного котика, тоже годовасика. Может, Дымок к нему подтянется.

Рив тут же подняла голову, ложка замерла на полпути к тарелке.

— А если он его не примет? — тихо спросила она, косясь на меня, будто я мог прямо сейчас вскочить и закричать: «Только попробуйте!»

Мама Рив пожала плечами, но в её улыбке было столько надежды, что даже мне стало неловко.

— Примет. Он кот умный, а дом у нас частный. Места хватит. Да и вдвоём им веселее будет.

И они ушли. Просто так, буднично, будто завести ещё одного кота — это самое обычное дело. А я остался сидеть на подоконнике, и солнце уже не казалось таким тёплым. Оно будто стало слишком ярким, слишком навязчивым.

Вернулись они через два часа. Мама Рив держала переноску, а Рив шла рядом, чуть пританцовывая от нетерпения.

— Знакомься, Дымок. Это Рыжик, — сказала Рив, открывая дверцу.

Рыжик выскочил наружу, будто его подбросили пружиной. Он был ярко-рыжий, пушистый, с круглыми глазами, в которых плескалось столько восторга, что хотелось зажму-

риться. Он тут же бросился нюхать угол, потом прыгнул на диван, потом снова на пол, потом опять куда-то, будто мир был огромной игрушкой, которую надо было обнюхать, потрогать и облизать за одну минуту.

Я осмотрел своего нового соседа не без презрения. Глуповатый вид, холёная шкурка. Будь он вместо меня в расследовании, его бы убили из-за тупости. А хотя, он бы даже не вышел из дома от испуга.

Это было для виду, и я думал, что у меня будет напарник. Но не знал, что он невероятно туп.

— Рыжик, иди к Дымку! — позвала Рив.

Рыжик ничего не делал. Он крутился на месте, потом заметил клубок ниток, который лежал на полу, и бросился к нему, как к величайшему сокровищу.

— Ры-ыжи-ик! — снова позвала Рив, уже чуть громче.

Но Рыжик будто и не слышал. Или не хотел слышать. Для него весь мир был сейчас в этом клубке.

Я не обратил внимания: коты не любят общаться с себе подобными. По крайней мере, так я себе говорил. Но спустя день я понял, что что-то не так.

Мой сосед не чувствовал природы. Не ходил гулять часами, не сидел на заборе, прислушиваясь к шорохам в кустах, не нюхал следы чужих котов, не запоминал, кто где прошёл и куда повернул. Он ничего не понимал.

Он не умел читать.

Я показал ему свой листок «улик» из прошлых приклю-

чений — потрёпанный, с моими пометками, с загибами на углах, пахнувший пылью и опасностью. Я ткнул в него лапой, будто говоря: «Смотри. Это важно. Это наша история».

Рыжик наклонил голову, посмотрел на листок, потом на меня, потом снова на листок. В его глазах не было ни узнавания, ни интереса. Только лёгкое любопытство, как будто он пытался понять, почему я так серьёзно отношусь к какому-то куску бумаги.

Он ничего не осознавал.

В его глазах я видел не то, что было у меня. Он не притворялся тупым. Он им и являлся.

Меня это насторожило. Сначала я пытался убедить себя, что это нормально, что не все коты такие, как я. Но потом я решил пообщаться с другими котами — с тем серым, который жил через два дома, с полосатой кошкой, которая любила сидеть на крыше сарая, с молодым котом, который вечно дрался за территорию.

Я мяукал, фыркал, пытался передать им хотя бы часть того, что знал: про тени, про шаги, про то, как пахнет опасность. Но они смотрели на меня так, будто я говорил на чужом языке. Их интересовали мыши, еда, солнце, мягкая трава. Не планы Высшего. Не метки на стенах. Не схемы, которые вели в никуда.

И тогда в голове всплыло, как холодная игла, вонзившаяся в память: «Проявляет аномальное поведение, не соответствующее биологическому виду».

Я откинул эту мысль в сторону. Резко, как отбрасывают горящую спичку, чтобы не обжечься.

«Я буду обычным котом», — повторял я про себя, как заклинание. «Я буду спать на подоконнике. Буду греться на солнце. Буду делать вид, что меня не волнует, куда ведёт эта линия на старой карте. Я буду просто котом».

С этими мыслями я лёг в лежанку, свернулся клубочком, уткнулся носом в свой бок и закрыл глаза.

За окном всё так же щебетали воробьи. Ветер всё так же шевелил листву. В доме пахло чаем, хлебом и чем-то ещё — спокойствием, которое я так хотел почувствовать своим, а не чужим.

Но где-то глубоко внутри, под этим спокойствием, шевелилось что-то колючее, неприятное. Будто я стоял на краю обрыва и делал вид, что не вижу пропасти под ногами.

А Рыжик тем временем радостно катал по полу клубок, подпрыгивал, смешно дёргал ушами и мурлыкал так громко, что заглушал даже тиканье часов.

И от этого контраста — его беззаботного счастья и моей тяжёлой тишины — мне становилось ещё неудобнее.

Я отчаянно пытался найти хоть крупицу интеллекта у моего соседа — и каждый раз натыкался на эту солнечную, глуповатую пустоту. Рыжик гонялся за собственным хвостом, будто это был самый опасный и хитрый враг, которого только можно вообразить, толкал лапой пустую миску, будто надеялся вытрясти из неё чудо, и замирал перед зеркалом, та-

ращась на своё отражение так, словно видел там кого-то совершенно незнакомого.

Я смотрел на него и думал: «Будь ты на моём месте в ту ночь у элеватора, ты бы даже не понял, что надо бежать». Но потом ловил себя на этой мысли и морщился. Не потому, что жалел его — а потому, что эта жалость царапала изнутри. Он не притворялся. Он просто был таким. И от этого становилось не по себе.

Рив тоже это понимала. Сначала она надеялась, что Рыжик, такой яркий и тёплый, будто кусочек солнца в доме, будет сидеть с ней по ночам, когда кошмары тянули свои холодные пальцы из темноты, и она просыпалась, дрожа, в своей комнате. Она думала, что он будет смотреть на неё своими круглыми глазами и как будто говорить: «Всё хорошо, ты не одна».

Но когда она звала его к себе, когда садилась на кровать, обняв колени, и шептала: «Рыжик, иди сюда, посиди со мной», он подбегал, радостно подпрыгивал, тыкался мокрым носом ей в ладонь, а потом вдруг замечал на полу пылинку, которая шевелилась от сквозняка, и мчался за ней, будто это было самое важное дело на свете.

А потом он останавливался, смотрел на Рив глазами, полными чистого недоумения, будто спрашивал: «А что? Ты что-то сказала?»

И Рив вздыхала. Не с обидой, а с какой-то тихой грустью, от которой мне хотелось подойти и потереться о её ногу, что-

бы она почувствовала: я здесь. Я всё слышу.

Сначала она пыталась думать, что просто начала видеть в котах людей, которые могут говорить, понимать, хранить секреты и делить с тобой тишину. Что это она сама всё придумала — про то, что кот может быть напарником, другом, тем, кто поймёт без слов.

Но потом она попробовала поговорить со мной. Просто так, сидя на подоконнике, когда за окном уже темнело, а в доме зажигались лампы, и голос её звучал тихо, будто она боялась спугнуть эту хрупкую попытку.

— Дымок, — прошептала она, глядя не на меня, а куда-то в сторону, будто ей было неловко. — Иногда мне кажется, что ты всё понимаешь. Больше, чем должен. Будто ты знаешь что-то, чего не знаю я.

Я поднял на неё глаза. Не мяукнул. Просто посмотрел. Прямо. Долго. Так, чтобы она увидела в этом взгляде: да, я понимаю. Я слышу каждое твоё слово. И я здесь.

Она чуть улыбнулась, и эта улыбка была как маленький свет, который пробился сквозь тучи.

— Знаешь, — тихо сказала она, опуская руку и осторожно, почти несмело поглаживая меня между ушами, — иногда этого достаточно. Просто знать, что кто-то понимает. Даже если он не может ответить словами.

И я был нормальным. Для неё. Не аномальным. Не странным. Просто Дымком, её котом, который сидел рядом, когда ей было страшно, и который не убегал за пылинкой, когда

она хотела поддержки.

А Рыжик в это время с грохотом сшиб со стола катушку ниток, радостно за ней погнался, запутался в нитках, сел, поморгал, будто сам не понял, как так вышло, и тут же начал вылизываться, будто ничего и не случилось.

Рив посмотрела на него, потом на меня, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на облегчение.

— Ну, — сказала она чуть громче, чтобы голос звучал веселее, — зато с ним не бывает скучно.

Я фыркнул про себя. Скучно? Нет. Но это была другая скука. Не та, когда ждёшь шагов за спиной и прислушиваясь к каждому шороху. А та, когда в доме слишком много света, слишком много движения, слишком много беззаботного шума, который не даёт услышать тишину.

Ночью, когда все уснули, я тихо соскользнул с подоконника и подошёл к лежанке Рыжика. Он спал, свернувшись пушистым клубком, и тихонько мурлыкал во сне, будто ему снилось что-то очень хорошее. Может, целая гора клубков. Или бесконечный солнечный луч.

Я постоял рядом, посмотрел на него и вдруг подумал: может, это и есть счастье? Не знать про убийц и куклы, не бояться, что за тобой придут. Не помнить запаха сырого подвала и не чувствовать, как холод ползёт по шерсти, когда понимаешь, что тебя загнали в угол.

Может, быть таким, как Рыжик, — это тоже дар. Просто другой.

Я тихо отошёл, лёг у двери, где всегда было чуть прохладнее и откуда лучше слышались все звуки дома. И пока за окном шептался ветер, а в комнатах тихо дышали спящие, я думал о той строчке, которая никак не хотела уходить из головы: «Проявляет аномальное поведение, не соответствующее биологическому виду».

Сегодня я не отбрасывал её в сторону. Я просто положил её в самый дальний угол памяти, прикрыл чем-то обыденным — запахом чая, смехом Рив, мурлыканьем Рыжика — и сказал себе: пусть полежит. Пока не нужно.

Потому что сейчас в доме было спокойно.

И этого было достаточно.

Утро началось не с тихого света, а с грохота.

Я только-только приоткрыл один глаз, прислушиваясь к дому: скрипнула кровать Рив, где-то на кухне звякнула чашка, и пахло свежим хлебом. Всё было как надо — спокойно, по-домашнему. И тут — БАМ! Будто кто-то уронил кастрюлю с разбегу.

Я подскочил, шерсть встала дыбом, и первая мысль была глупой, но привычной: «Опять они. Опять пришли». Но вместо тяжёлых шагов и холодного металла я увидел Рыжика.

Он стоял посреди комнаты, хвост трубой, уши вперёд, глаза круглые и сияющие, будто он только что совершил величайший подвиг. А рядом валялась опрокинутая ваза — та самая, глиняная, с трещиной сбоку, которую мама Рив берегла, потому что её подарила бабушка. Осколки блестели

на полу, как злые искорки.

Рыжик гордо огляделся, будто ждал аплодисментов.

— Мяу! — заявил он звонко, уверенно, словно это было не мяуканье, а королевский указ. — Мяу-мяу!

Рив замерла на пороге с бутербродом в руке. Мама Рив охнула и тут же бросилась к осколкам:

— Рыжик! Ну как же так...

А Рыжик даже не смутился. Он встряхнулся, выгнул спину, подошёл к миске и боднул её так, что она поехала по полу с противным скрежетом. Потом сел, уставился на всех нас и снова выдал своё «Мяу!» — уже с таким видом, будто это не «простите», а «я тут главный, запомните».

Я смотрел на него и не знал, то ли смеяться, то ли закатить глаза. «Вот оно, — подумал я. — Лидерство по-рыжиковски: грохот, хаос и требование немедленного уважения».

Рив медленно опустила бутерброд, подошла к Рыжику и присела перед ним на корточки.

— Ты что творишь, пушистая катастрофа? — тихо спросила она, но в голосе слышалась улыбка, которую она пыталась спрятать.

Рыжик не ответил словами — он просто боднул её руку, потом снова посмотрел на миску, потом на всех нас, будто говорил: «Ну? Чего ждёте? Слушайте своего вожака!»

Мама Рив, собирая осколки, покачала головой, но тоже улыбалась:

— Похоже, у нас теперь не просто кот, а кот с амбициями.

А я... я сел на задние лапы и просто наблюдал. Пусть покомандует. Пусть думает, что он тут самый важный. В его мире «важность» — это когда тебе первым насыпают корм и когда никто не трогает твой любимый солнечный угол.

Но потом Рыжик сделал то, что заставило меня насторожиться.

Рыжик, закончив свой утренний обход «владений», наконец-то выдохся. Он постоял, покачиваясь, будто сам удивлялся, сколько дел успел наворотить, потом гордо обошёл мою лежанку по кругу — так, чтобы я точно понял: это не захват, это инспекция. А потом плюхнулся прямо посередине, вытянул лапы, зажмурился и выдал довольное, гулкое «Мррр», будто подписал указ: «С этого момента трон занят».

Я только фыркнул под себя. Пусть лежит. Пусть царствует. Главное, чтобы не начал требовать, чтобы ему приносили мышей на подушке.

А потом в дом начали возвращаться ребята. Сначала пришёл Макс — он влетел в дверь, как всегда, шумно, с грохотом уронив рюкзак у порога и тут же схватив бутерброд, будто три минуты без еды были для него невыносимы.

— Рив сказала, что Рыжик тут устроил переворот! — выпалил Макс с набитым ртом, оглядываясь по сторонам, будто ожидал увидеть кота в короне из фольги. — Это правда?

Я только скосил глаза на Рыжика: тот развалился в моей лежанке, как на троне, и даже не думал шевелиться. Только лениво дёрнул ухом, будто: «Да, я тут главный. И что?»

Следом в дом ввалились Дин и Лу — они спорили о чём-то, перебивая друг друга, и чуть не сбили с ног маму Рив, которая как раз выходила из кухни с подносом, уставленным стаканами.

— Да тише вы! — рассмеялась она, но в голосе слышалось облегчение: когда все собираются вместе, дом будто дышит ровнее. — Тут и без вас шума хватает.

Лу первой заметила Рыжика.

— Ой, какой он... важный, — хихикнула она, присаживаясь на корточки. — Прямо царь зверей.

Рыжик приоткрыл один глаз, посмотрел на неё с видом усталого монарха, которому уже надоели эти поклоны, и снова зажмурился.

А потом пришла Рив. Она остановилась на пороге, стряхнула с кроссовок капли дождя — на улице снова собирался ливень, — и улыбнулась. И эта улыбка сразу сделала комнату светлее.

— Ну что, мой пушистый генерал, как дела? — спросила она, подходя к лежанке и наклоняясь, чтобы погладить Рыжика. — Опять всё перевернул?

Рыжик тут же оживился. Он вскочил, выгнул спину дугой, боднул её ладонь, а потом вдруг резко повернул голову ко мне. В его круглых глазах на долю секунды мелькнуло что-то странное — не злоба, а какая-то упрямая решимость, будто он вдруг понял: чтобы быть главным, надо победить соперника.

И он прыгнул.

Прямо на меня.

Лапы растопырил, когти чуть выпустил — не чтобы порвать, а чтобы удержать, как будто хотел показать: «Я сильнее. Я тут решаю». И попытался ущипнуть меня за бок.

Рив только и успела выдохнуть:

— Рыжик, не...

Но я не стал ждать, пока её слова догонят этот рыжий вихрь.

Я не шипел. Не дрался всерьёз. Просто одним точным движением лапы дал ему по шапке — не сильно, но так, чтобы дошло: тут не арена, тут дом. Рыжик отлетел на полшага, сел, поморгал, будто пытался понять, как это он, такой великий, вдруг оказался не на троне, а на полу.

В комнате стало тихо. Даже Макс перестал жевать.

А Рыжик посидел секунду, потряс головой, потом снова посмотрел на меня — уже не как на врага, а как на кого-то, кто знает правила, которых он не выучил.

Я не стал добивать. Просто прошёл мимо него, слегка задев боком, и забрался в свою лежанку. Ту самую, которую он только что «завоёвывал». Устроился, подобрал лапы, положил голову на передние и посмотрел на всех спокойно, будто ничего особенного не произошло.

Мол, порядок восстановлен. Территория моя. А ты, рыжий, учись, как надо вести себя в приличном доме.

Рив медленно выдохнула и вдруг рассмеялась — тихо, но

так, что напряжение сразу растаяло.

— Ладно, — сказала она, опускаясь на пол рядом с Рыжиком и протягивая ему кусочек сыра. — Похоже, тут уже всё решили без меня. Ты, герой, слишком торопишься быть главным. А главным тут становится не тот, кто громче кричит, а тот, кого слушают.

Рыжик схватил сыр, тут же забыл про все свои амбиции и начал радостно его грызть, будто это была награда за храбрость.

Макс хмыкнул:

— Ну вот. Один переворот подавлен. Можно дальше жить.

Дин сел на пол, оперся спиной о шкаф и улыбнулся:

— Зато теперь точно не соскучишься.

Мама Рив покачала головой, но в глазах у неё плясали весёлые искорки:

— Главное, чтобы вазы больше не летали.

А я прикрыл глаза и подумал: пусть Рыжик учится. Пусть пробует. Пусть думает, что он тут самый смелый. В этом доме места хватит всем. Даже двум котам с очень разными представлениями о том, как надо жить.

За окном снова закапал дождь, но внутри было тепло. Рив села на коврик неподалёку, подтянула колени к груди и начала рассказывать ребятам про какой-то новый план — про то, что надо сходить к старой библиотеке, потому что там, по слухам, нашли старые карты города. Голос её звучал спо-

койно, уверенно, и в нём не было ни страха, ни спешки.

Я слушал её краем уха и чувствовал, как усталость потихоньку отпускает. Не та усталость от погонь и тёмных коридоров, а та, что копится, когда долго ждёшь беды.

Сегодня беды не было. Был дом, были друзья, был глупый, шумный Рыжик, который уже снова носился по комнате, сшибая по пути только самые безопасные предметы.

И этого было достаточно.

Глава 2. Лёгкая ревность.

Дни потекли странно. Сначала я не замечал, а потом вдруг понял: в доме всё чуть-чуть сдвинулось.

Рыжик больше не пытался меня «победить» — он будто решил, что раз уж не вышло стать главным котом силой, надо стать главным по другому: по улыбкам, по смеху, по тому, как все вокруг начинают улыбаться, едва он появляется.

Он приносил Рив всякие пустяки: сухую травинку, которую тащил через весь коридор, пуговицу, которую нашёл под шкафом, скомканный фантик — будто это были сокровища из дальних земель. И Рив смеялась, брала эти «дары», гладила его, шептала: «Какой ты у меня молодец!» — и сажала его к себе на колени, где раньше сидел я.

Сначала я думал: ну и ладно. Пусть ей будет весело. У меня свои дела. Я могу посидеть у окна, послушать, как дождь стучит по крыше, и подумать о своём.

Но потом я заметил, что Рив всё чаще зовёт: «Рыжик, иди сюда!» — и Рыжик тут же мчится, подпрыгивает, будто хочет взлететь от радости, и устраивается у неё на коленях, тёплый, пушистый, такой... простой.

А когда она говорила: «Дымок, иди ко мне», я подходил, садился рядом, но она будто уже не замечала. Или замечала, но как-то по-другому — не так, как раньше. Не как того, кто был с ней в самых тёмных местах, кто знал, как пахнет опас-

ность и как замирает сердце, когда слышишь шаги за спиной.

Однажды вечером я подошёл, хотел устроиться у неё на ноге, как всегда. Но Рыжик уже был там. Он не толкал меня, не шипел, он просто лежал, уткнувшись носом в её свитер, и тихо мурлыкал, будто говорил: «Я тут. Я рядом. Мне ничего не надо, только быть с тобой».

Рив погладила его по голове, потом посмотрела на меня, будто спохватилась:

— Прости, Дымок... Тут тесновато. Ты можешь сесть с другой стороны?

Я не стал садиться. Просто кивнул, насколько кот вообще может кивнуть, и отошёл к подоконнику. Сел там, где было прохладнее, где стекло чуть звенело от ветра, и смотрел, как она гладит Рыжика, как он жмурится от удовольствия, как у неё на лице появляется эта лёгкая, спокойная улыбка — та, которая появляется, когда не надо ни о чём тревожиться.

И мне вдруг стало холодно. Не от ветра, а изнутри.

«Это хорошо, — повторял я себе. — Пусть она улыбается. Пусть ей спокойно. Это ведь ради этого я столько раз прятал дрожь в лапах, когда мы шли по тёмным коридорам. Чтобы она могла вот так сидеть и не бояться».

Но от этого не становилось легче.

С ребятами тоже всё шло как обычно: Макс всё так же шутил, Дин всё так же тихо радовался, когда что-то складывалось, Лу смеялась над тем, как Рыжик падает с дивана, думая, что это прыжок. Но каждый раз, когда Рив смеялась над

очередной выходкой Рыжика, внутри у меня что-то сжималось.

Как будто я сделал всё, что мог, прошёл все опасные места, а теперь... теперь я стал просто тем, кто сидит в стороне и смотрит.

Ночью я не спал. Сидел на крыше сарая, смотрел на город, который внизу мерцал огнями, и думал про ту строчку: «Проявляет аномальное поведение, не соответствующее биологическому виду».

Может, в этом всё дело. Может, я просто слишком сложный для этого дома. Для этой спокойной жизни. Рыжик был простым: он радовался солнцу, еде, тому, что его гладят. А я... я всё ещё прислушивался к тишине, будто ждал, что она вдруг станет опасной.

Когда я вернулся, в доме было тихо. Все спали. Только в комнате Рив чуть светился ночник. Я хотел было пройти мимо, лечь в свою лежанку, но остановился.

Рив спала, свернувшись клубочком. Рядом с ней, прижавшись к её плечу, лежал Рыжик. Он тихонько посапывал, и во сне его усы чуть подрагивали, будто ему снилось что-то очень хорошее.

Я постоял на пороге, посмотрел на них, потом тихо развернулся и пошёл в коридор. Там, у старой батареи, было моё место — не самое тёплое, не самое уютное, но моё. Я свернулся там, уткнулся носом в бок и закрыл глаза.

«Я всё понимаю, — шептал я себе в темноте. — Это

правильно. Пусть она любит того, кто делает её счастливой. Пусть это будет Рыжик».

Но в горле стоял комок, который коты не умеют глотать.

Я устроился у батареи — на жёстком полу, где пахло пылью и старым деревом. Тут было тихо. Не та тишина, когда ждёшь, из какой тени сейчас вылезет беда, а пустая тишина. Такая, в которой слишком громко слышно, как ты никому не нужен.

Рыжик теперь вечно крутился рядом с Рив: то прыгал ей на колени, то тащил какую-нибудь ерунду, будто это величайшее сокровище, то просто сидел и смотрел на неё так, будто она — солнце, луна и все мыши мира сразу. И Рив смеялась, гладила его, шептала: «Ну какой же ты смешной!» — и в её голосе было столько тепла, что оно, казалось, даже воздух грело.

А я... я был где-то сбоку. В тени.

Сначала я просто сидел и слушал, как все болтают. Потом стал уходить туда, где тише. А потом мой взгляд зацепился за полку с книжками.

Я подошёл, потянулся, когтем подцепил тонкую книжку с потрёпанной обложкой — ту самую, с мальчиком у старого дома. Стянул её, она упала на пол с мягким стуком. Я сел рядом, будто это был не томик, а какой-то трофей.

И я читал. Сам. Молча. Никому не показывая.

Буквы складывались не в звуки — я не мог их произнести. Но они складывались в образы, в запахи, в холод, который

ползёт по спине, когда идёшь по тёмному коридору. Каждое слово оставляло след, как запах. Я видел историю прямо сквозь строчки: вот мальчик идёт, вот у него дрожат руки, вот он слышит скрип пола — и всё равно делает шаг вперёд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.